

ПРОИЗВОДСТВО ГЕГЕМОНИИ

Технологии культурной холодной войны и их применение на постсоветском пространстве

«Многое из того, что мы делаем сегодня, 25 лет назад тайно делало ЦРУ».

— Аллен Вайнштейн, один из основателей NED, интервью *The Washington Post*, 1991^[1]

Введение: рассекреченная история

В 1999 году британский историк Фрэнсис Стонор Сондерс опубликовала книгу, которая изменила понимание культурной политики XX века. «ЦРУ и мир искусств: Культурный фронт холодной войны» (*The Cultural Cold War: The CIA and the World of Arts and Letters*) документировала масштабную тайную операцию американских спецслужб по формированию интеллектуального климата в Западной Европе и за её пределами.^[2]

Ключевым инструментом этой операции стал Конгресс за свободу культуры (*Congress for Cultural Freedom*, CCF), созданный в 1950 году и действовавший до разоблачения в 1967-м. Формально независимая организация интеллектуалов, CCF в реальности финансировалась ЦРУ через сеть фондов-прокладок — Ford Foundation, Farfield Foundation и десятки других.^[3] Конгресс издавал престижные журналы (*Encounter* в Британии, *Preuves* во Франции, *Der Monat* в Германии), организовывал конференции, выставки, концертные туры — и при этом систематически продвигал определённую идеологическую повестку.

Книга Сондерс стала сенсацией не потому, что раскрыла заговор, а потому, что документально показала *системность* проекта: чёткую стратегию, щедрое финансирование, долгосрочное планирование и — что критически важно — эффективность. Однако её значение выходит далеко за рамки исторического исследования. Технологии, разработанные в период классической холодной войны, не исчезли с распадом СССР — они были масштабированы, усовершенствованы и применены на постсоветском пространстве.

Настоящая статья представляет собой попытку аналитической реконструкции этих технологий и их эволюции на примере Украины — страны, ставшей полигоном для наиболее масштабного применения методов «продвижения демократии» в XXI веке.

I. Анатомия культурной войны: уроки Сондерс

1.1. Институциональная архитектура влияния

Главное открытие исследования Сондерс состоит не в самом факте участия ЦРУ в культурной политике — это было известно и ранее. Ценность её работы в детальном описании *механизма*, позволявшего превращать государственные деньги в «независимую» интеллектуальную продукцию.

Архитектура влияния строилась на нескольких ключевых принципах:

Многоуровневая система посредников. Деньги никогда не шли напрямую от государства к получателю. Между ЦРУ и конечным бенефициаром располагались благотворительные фонды, частные доноры, культурные организации. Каждый уровень создавал дополнительный слой правдоподобного отрицания.^[4]

Качественный контент. В отличие от грубой пропаганды, продукция CCF отличалась высоким интеллектуальным уровнем. Журнал *Encounter* публиковал первоклассных авторов — не потому что они были «агентами», а потому что редакторы имели неограниченные ресурсы для привлечения лучших.

Негативная селекция. Финансирование определяло не столько то, что публиковалось, сколько то, что *не* получало поддержки. Левые интеллектуалы, симпатизирующие СССР, оказывались в изоляции — без журналов, без грантов, без конференций.

Создание карьерных лестниц. Система предлагала молодым интеллектуалам понятную траекторию: публикации в правильных изданиях, участие в правильных конференциях, гранты на правильные исследования. Те, кто следовал этой траектории, получали ресурсы и признание.

1.2. Идеологическая функция: «некоммунистические левые»

Стратегическая цель ССФ формулировалась не как «борьба с коммунизмом», а как продвижение «некоммунистических левых» (*non-communist left*). Это тонкое, но принципиальное различие. Прямая антикоммунистическая пропаганда была бы слишком грубой для европейской интеллигенции, значительная часть которой симпатизировала социалистическим идеям. Вместо этого ЦРУ финансировало социал-демократов, либералов, даже отдельных троцкистов — всех, кто мог предложить *альтернативу* просоветскому коммунизму, оставаясь при этом в рамках допустимого.^[^5]

Абстрактный экспрессионизм стал символом этой стратегии. ЦРУ активно продвигало Джексона Поллока, Марка Ротко, Виллема де Кунинга — не потому, что их живопись несла какое-то политическое послание, а потому, что она воплощала *свободу творчества* в противовес соцреализму. Искусство служило доказательством превосходства западной системы без необходимости что-либо доказывать вербально.^[^6]

II. Институциональная преемственность: от ССФ к NED

2.1. «Делать открыто то, что ЦРУ делало тайно»

Разоблачение ССФ в 1967 году создало проблему: эффективный инструмент влияния был скомпрометирован. Решением стала институционализация тех же практик в открытой форме. В 1983 году был создан Национальный фонд демократии (*National Endowment for Democracy*, NED) — организация, финансируемая напрямую из бюджета США через USAID, но формально являющаяся частным фондом.^[^7]

Президент NED Карл Гершман в 1986 году объяснил причину создания фонда: «Было бы ужасно, если бы демократические группы по всему миру воспринимались как субсидируемые ЦРУ. Мы видели это в 60-х, и именно поэтому это было прекращено».^[^8]

Сеть расширилась. К NED добавились Агентство международного развития (USAID), Фонды открытого общества Джорджа Сороса (*Open Society Foundations*), многочисленные европейские фонды и государственные программы. Совокупный бюджет «продвижения демократии» вырос с миллионов до миллиардов долларов.

2.2. Украина как приоритетное направление

С 1991 года Украина стала одним из главных получателей средств на «развитие демократии». Масштабы финансирования беспрецедентны:

- С 1991 года США инвестировали более **\$5 миллиардов** в поддержку демократических институтов в Украине, как заявила заместитель госсекретаря Виктория Нуланд в декабре 2013 года.^[^9]
- В период Оранжевой революции 2004 года США потратили **\$65 миллионов** на поддержку политических организаций в Украине.^[^10]
- С 2014 по 2022 год американские институты потратили более **\$2.8 миллиардов** на украинские программы, из которых USAID предоставил около \$1.2 миллиарда.^[^11]
- К 2024 году общая поддержка гуманитарного, развивающего и государственного секторов Украины (без военной помощи) достигла **\$38 миллиардов**.

Фонд «Відродження» (International Renaissance Foundation), украинское отделение структур Сороса, начал работу ещё в позднесоветский период и к 2015 году потратил более **\$180 миллионов** в Украине.^[^12]

III. Производство идеологической гегемонии

3.1. Парадокс электоральной маргинальности

Центральный аналитический вопрос украинского случая: как идеология, не имеющая массовой электоральной поддержки, становится государственной политикой?

Данные о поддержке националистических партий в Украине показательны:

- В 1990-х и 2000-х годах поддержка ультранационалистических партий колебалась от **0.36%** (2006) до **0.76%** (2007) — недостаточно для прохождения в парламент.^[^13]
- Исторический пик «Свободы» в 2012 году (**10.44%**) был аномалией, обусловленной антиянуковичским голосованием, а не поддержкой националистической программы.^[^14]
- На выборах 2014 года, несмотря на аннексию Крыма и войну в Донбассе, «Свобода» потеряла более половины поддержки, получив лишь около **6%** (ниже порога в 5% по партийным спискам).^[^15]
- На выборах 2019 года объединённая коалиция всех крайне правых партий — «Свобода», «Национальный корпус», «Правый сектор» — набрала лишь **2.15%** голосов.^[^16]
- Единый кандидат от националистов Руслан Кошулинский на президентских выборах 2019 года получил **1.6%**.^[^17]

Эти цифры показывают, что в полиэтничной Украине этнический национализм *никогда* не имел массовой поддержки — даже в условиях военного конфликта с Россией.

Парадокс электоральной маргинальности — расхождение между электоральной поддержкой радикально-идеологической группы (единицы процентов голосов) и её институциональным весом в соответствующей повестке (вплоть до 100% государственной политики по её ключевым пунктам). Эталонный случай — Украина: коалиция радикально-националистических партий (Свобода, Правый сектор, Национальный корпус) на выборах 2019 года получает 2,15% голосов, но продвигаемая ими символическая повестка — декоммунизация, языковые законы, героизация ОУН-УПА, запрет Компартии — реализуется в качестве официальной государственной политики.

Парадокс разрешается через механизм грантовой легитимации: инфраструктура (медиа, экспертиза, международная поддержка, законодательная обвязка) распределяется не пропорционально электоральному весу, а по логике селективного финансирования. Массовая поддержка без инфраструктуры оказывается в публичном поле невидимой; маргинальная идеология с инфраструктурой становится официальным курсом. Парадокс, таким образом, — не аномалия, а эмпирическое проявление того, что корпус называет грантовой легитимацией.

3.2. Националистическая повестка как государственная политика

При этом именно националистическая повестка стала официальной политикой государства:

- **Законы о декоммунизации** (2015) — демонтаж советских памятников, переименование улиц и городов, криминализация советской символики.
- **Законы о языке** — последовательное вытеснение русского языка из образования, СМИ, сферы обслуживания.
- **Героизация ОУН-УПА** — признание организаций, сотрудничавших с нацистской Германией, «борцами за независимость».
- **Запрет Компартии** (2015) — ликвидация крупнейшей левой политической силы.

Характерно, что после свержения Януковича в 2014 году партия «Свобода» с 10% голосов получила четыре министерских поста во временном правительстве — непропорционально высокое представительство, отражающее не электоральную силу, а идеологическую значимость.[^18]

3.3. Механизм грантовой легитимации

Назовём механизм, разрешающий этот парадокс, **грантовой легитимацией** — селективным финансированием, которое превращает маргинальную идеологию в мейнстрим не путём прямой пропаганды, а путём *структурирования поля возможностей*: кто получит грант, стипендию, место в редколлегии, выступление на конференции, перевод на английский. Ключевое различие — между уровнем содержания (что публикуется) и уровнем воспроизводства (кто будет публиковать, кто будет читаться, кто будет считаться экспертом). Грантовая система работает преимущественно на втором уровне. Механизм был эмпирически описан автором на украинском материале 2011 года применительно к конфигурации Янукович — Тягнибок — Колесниченко, где финансирование противоположных идеологических полюсов из одной институциональной точки удерживало всё политическое поле в управляемом состоянии;[^21] настоящая работа систематизирует этот механизм как отдельную технологию и прослеживает его генеалогию до ССФ.

Селективное финансирование. Гранты направляются не на «гражданское общество» вообще, а на определённые его сегменты. Прозападные НКО получают поддержку; левые организации — не получают; профсоюзы финансируются минимально; националистические инициативы под вывеской «патриотизма» — получают.

Контроль над нарративом через СМИ. Показателен пример телеканала Hromadske TV, созданного в ноябре 2013 года — накануне Евромайдана. Согласно финансовому отчёту, в 2013 году канал финансировался посольством Нидерландов (793 089 гривен), посольством США (399 650 гривен) и Международным фондом «Відродження» Джорджа Сороса (247 860 гривен).[^19] К июню 2014 года канал также получил дополнительное финансирование от правительства Канады и других западных источников.[^20]

Формирование экспертного класса. Стипендии для обучения за рубежом, гранты на исследования, публикации в «правильных» изданиях создают целый слой интеллектуалов, чья карьера и благосостояние связаны с грантовой системой. Эти люди становятся экспертами, консультантами, медийными комментаторами — и транслируют соответствующую идеологию не по приказу, а потому что она составляет основу их профессиональной социализации.

IV. Национализм как функция: структурный анализ

4.1. Почему именно национализм?

Выбор национализма в качестве основной идеологической рамки не случаен. Он выполняет несколько критически важных функций с точки зрения интересов западного капитала.

Во-первых, национализм блокирует классовый анализ. Левая/социалистическая рамка определяет главное противоречие как конфликт между классами, а врагом — капитал и олигархию. Решение в этой рамке — перераспределение и солидарность трудящихся. Националистическая рамка переопределяет главное противоречие как конфликт между нациями, а врагом — внешнюю силу (Россия, «совок»). Решение — национальное единство, которое по определению исключает внутреннюю критику элит.

Во-вторых, национализм обеспечивает геополитический разрыв. Украинский этнонационализм органически враждебен России и советскому наследию. Поддержка

националистической повестки автоматически означает поддержку «европейского выбора» — то есть интеграции в западную систему.

В-третьих, национализм дискредитирует альтернативы. Если советское прошлое — «оккупация», а коммунизм — «преступление», то любые левые идеи автоматически делегитимизируются. Социальное государство становится «совком», права трудящихся — «коммунистическим пережитком», критика неравенства — «предательством национальных интересов».

4.2. Сравнительный анализ: ССФ и украинский случай

Сопоставление технологий культурной холодной войны и их применения на Украине выявляет структурную преемственность при существенном различии в масштабе.

Элемент	ССФ (1950–1967)	Украина (1991–2025)
Зонтичные структуры	Congress for Cultural Freedom	NED, USAID, Open Society Foundations
Медиа	<i>Encounter, Preuves, Der Monat</i>	Hromadske, Ukrainska Pravda, Kyiv Independent
Образование	Стипендии, конференции	Реформа «Нова українська школа», гранты
Фонды-посредники	Ford Foundation, Farfield	Ford Foundation, IRF (Soros), европейские фонды
Культурный контент	Абстрактный экспрессионизм	Украинская национальная идентичность
Идеологическая цель	Отрыв от коммунизма	Отрыв от России/советского наследия
Масштаб	~\$100–200 млн за 20 лет	\$38+ млрд за 30 лет

V. Грамши против Грамши: производство согласия

Антонио Грамши, теоретик культурной гегемонии, вряд ли предполагал, что его концепции будут использованы для анализа антикоммунистических проектов. Однако украинский случай — классический пример производства гегемонии в грамшианском смысле.

Гегемония, по Грамши, — это не просто доминирование, а *согласие* подчинённых групп с порядком, выгодным правящему классу. Это согласие производится через контроль над «гражданским обществом» — образованием, СМИ, культурными институциями.

Украинский случай демонстрирует, как гегемония создаётся *извне*. Внешнее финансирование не просто «поддерживает» существующее гражданское общество — оно *формирует* его, определяя, какие организации будут существовать, какие идеи будут артикулироваться, какие голоса будут услышаны.

Критически важно понимать: гранты не создают настроения из ничего. Они работают с реально существующими противоречиями — недовольством советским прошлым, стремлением к «европейскому» уровню жизни, региональными и культурными различиями. Но грантовая система *формулирует* эти настроения определённым образом и *усиливает* те из них, которые функциональны для интересов доноров.

Без внешнего финансирования украинские националисты оставались бы тем, чем они всегда были электорально — маргиналами в полиэтничной стране.

С внешним финансированием их идеология становится государственной политикой, их нарратив — медийным мейнстримом, их версия истории — школьной программой, а их оппоненты — криминализированными.

Заключение: уроки и перспективы

Книга Сондерс показала, что культурная холодная война была не «заговором», а *системным проектом* с чёткой стратегией, щедрым финансированием и долгосрочным планированием. Украинский случай демонстрирует, что эти технологии никуда не исчезли — они были масштабированы и усовершенствованы.

Выводы:

- **Форма изменилась, содержание — нет.** ССФ действовал тайно; NED, USAID, Open Society работают открыто, под лозунгами «развития демократии» и «поддержки гражданского общества». Но функция остаётся прежней — формирование идеологического климата в интересах западного капитала.
- **Национализм функционален для неолиберализма.** В постсоветском контексте национализм выполняет ту же роль, которую в Западной Европе 1950-х играли «некоммунистические левые» — он блокирует альтернативы, несовместимые с интересами капитала.
- **Гегемония не требует демократической легитимности.** Идеология, не имеющая массовой поддержки, может стать государственной политикой через контроль над производством смыслов — образованием, медиа, экспертным сообществом.
- **Внешнее финансирование не нейтрально.** «Помощь» в развитии гражданского общества неизбежно определяет, какое именно гражданское общество будет развиваться — и в чьих интересах.

Украина — не уникальный случай, а наиболее масштабная и хорошо документированная реализация постоянно действующего проекта. Те же технологии применялись и применяются в Грузии, Молдове, Беларуси, странах Центральной Азии и далеко за пределами постсоветского пространства. Понимание этих механизмов — первый шаг к выработке ответа на них.

Примечания

[^1]: Allen Weinstein, интервью *The Washington Post*, 1991. Цит. по: William Blum, "Trojan Horse: The National Endowment for Democracy" // *Rogue State: A Guide to the World's Only Superpower*. См. также: Wikipedia, "National Endowment for Democracy".

[^2]: Frances Stonor Saunders, *The Cultural Cold War: The CIA and the World of Arts and Letters* (New York: The New Press, 1999). Книга получила премию Royal Historical Society's William Gladstone Memorial Prize.

[^3]: Ibid. Сондерс документирует, как ЦРУ использовало Ford Foundation, Rockefeller Foundation и созданные специально фонды-прокладки для финансирования ССФ.

[^4]: Ibid., глава о механизмах финансирования.

[^5]: Ibid. ЦРУ финансировало социал-демократов и «некоммунистических левых» как альтернативу просоветским интеллектуалам.

[^6]: Ibid. См. также документальный фильм Сондерс *Hidden Hands: A Different History of Modernism* (Channel 4, 1995).

[^7]: NED был создан в 1983 году при администрации Рейгана. См.: Wikipedia, "National Endowment for Democracy".

[^8]: Carl Gershman, президент NED, интервью *The New York Times*, 1986. Цит. по: Wikipedia, "National Endowment for Democracy".

[^9]: Victoria Nuland, речь на конференции US-Ukraine Foundation, декабрь 2013. Подтверждено Госдепартаментом США. См.: PolitiFact, "The United States spent \$5 billion on Ukraine", March 19, 2014.

[^10]: Wikipedia, "Orange Revolution": "In the two years before the 2004 Ukrainian presidential election, the United States spent \$65 million to aid political organizations in Ukraine."

[^11]: US Government Accountability Office; USAID reports. Данные приводятся в различных отчётах о финансировании украинских программ.

[^12]: International Renaissance Foundation (Soros), Annual Report 2015. Цит. по: NationofChange, "How and Why the US Staged a Coup in Ukraine", August 15, 2018.

[^13]: Wikipedia, "Svoboda (political party)": партия получила 0.36% в 2006 году и 0.76% в 2007 году.

[^14]: Ibid. «Свобода» получила 10.44% на выборах 2012 года. См. также: OSW Centre for Eastern Studies, "The electoral success of the Svoboda Party", November 28, 2012.

[^15]: Anton Shekhovtsov, "From electoral success to revolutionary failure" // Eurozine, 2014. См. также: War Is Boring, "Ukrainian Election's Real Losers—Far Right Parties", October 2014.

[^16]: Центральна виборча комісія України, офіційні результати виборів до Верховної Ради України 2019 року (первичный источник). См. также: Forum for Ukrainian Studies, "Will Ukraine's Far-Right Parties Fail Again in 2019?", March 14, 2019; Reporting Radicalism in Ukraine, "The Far Right and the 2019 Parliamentary Election".

[^17]: Центральна виборча комісія України, офіційні результати виборів Президента України 2019 року.

[^18]: «Свобода» получила посты министра обороны, министра экологии, министра аграрной политики и генерального прокурора во временном правительстве Яценюка. См.: Wikipedia, "Svoboda (political party)".

[^19]: Wikipedia, "Hromadske": «According to the interim financial report Hromadske TV was funded in 2013 by the Netherlands Embassy (793,089 Ukrainian hryvnias), the US Embassy (399,650 €) and by George Soros' International Renaissance Foundation (247,860).»

[^20]: RFE/RL, "Out Of Ukrainian Protests, A New Media Outlet Is Born", December 21, 2013; KyivPost, "Scandal shakes donor-funded Hromadske TV", January 19, 2016.

[^21]: Каминник И. Виктор Янукович и перспективы национализма на Украине // ИА REGNUM, 08.01.2011. Текст эмпирически описывает слоевую конфигурацию Янукович — Тягнибок — Колесниченко, в которой финансирование противоположных идеологических полюсов осуществляется из одной институциональной точки, а управляемость поля достигается через удержание зазора между аудиториями. Механизм, систематизируемый в настоящей работе как грантовая легитимация, впервые описан там имплицитно, на материале внутривнутриполитической, а не внешней инфраструктуры.

Библиография

Основные источники

Saunders, Frances Stonor. *The Cultural Cold War: The CIA and the World of Arts and Letters*. New York: The New Press, 1999.

Blum, William. *Rogue State: A Guide to the World's Only Superpower*. Monroe, ME: Common Courage Press, 2000.

MacKinnon, Mark. *The New Cold War: Revolutions, Rigged Elections and Pipeline Politics in the Former Soviet Union*. Toronto: Random House Canada, 2007.

Работы автора

Каминник И. Виктор Янукович и перспективы национализма на Украине // ИА REGNUM, 08.01.2011.

Официальные документы и отчёты

Центральна виборча комісія України. Офіційні результати виборів до Верховної Ради України 2019 р.; офіційні результати виборів Президента України 2019 р.

U.S. Government Accountability Office. Reports on Ukraine assistance programs.

USAID. Annual reports on Ukraine programs.

National Endowment for Democracy. Annual reports and grant databases.

International Renaissance Foundation. Annual reports.

Статьи и аналитика

OSW Centre for Eastern Studies. "The electoral success of the Svoboda Party — the consequences for Ukrainian politics." November 28, 2012.

Shekhovtsov, Anton. "From electoral success to revolutionary failure." *Eurozine*, 2014.

Forum for Ukrainian Studies. "Will Ukraine's Far-Right Parties Fail Again in 2019?" March 14, 2019.

Reporting Radicalism in Ukraine. "The Far Right and the 2019 Parliamentary Election."

Медиа

PolitiFact. "The United States spent \$5 billion on Ukraine anti-government riots." March 19, 2014.

RFE/RL. "Out Of Ukrainian Protests, A New Media Outlet Is Born." December 21, 2013.

The Guardian. "US campaign behind the turmoil in Kiev." November 26, 2004.

Canadian Dimension. "Revisiting our secret role in Ukraine's 2004 Orange Revolution." 2022.